

Заряжайтесь оптимизмом ■ Екатерины Вильмонт

Екатерина Вильмонт

Трепетный трепач

«АСТ»

2012

Вильмонт Е. Н.

Трепетный трепач / Е. Н. Вильмонт — «АСТ», 2012

Две свекрови – бывшая и будущая. Одна любит Леру, а другая ее ненавидит. Этим двум женщинам суждено сыграть очень важную роль в судьбе талантливой сценаристки Валерии Муромцевой.

© Вильмонт Е. Н., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Екатерина Вильмонт

Трепетный трепач

*Странник прошел, опираясь на посох, —
Мне почему-то припомнилась ты.
Едет пролетка на красных колесах —
Мне почему-то припомнилась ты.
Вечером лампы зажгут в коридоре —
Мне непременно припомнишься ты.
Что б ни случилось, на суше, на море
Или на небе, — мне вспомнишься ты.*

Владислав Ходасевич

Часть первая

Я возвращалась домой из магазина и тихо радовалась тому, что по крайней мере два часа смогу спокойно поработать. Моя старенькая «школа» еще бегает, дети, слава богу, здоровы, обед и ужин на сегодня есть, все у меня, кажется, хорошо. И припарковаться во дворе удалось без проблем. Правда, в подъезде было тесно от наставленной там мебели. Кто-то, похоже, переезжает, и заняты оба лифта. А переться пешком с такими сумками на девятый этаж просто нет сил. Но тут, к счастью, маленький лифт приехал и оттуда выскочили два здоровенных парня в комбинезонах какой-то фирмы и я успела юркнуть в кабину. Опять же хорошо! Пока я отпирала дверь, зазвонил домашний телефон. Я бросила сумки и схватила трубку.

– Аллю!

– Валерия Константиновна?

– Да, слушаю вас.

– С вами говорит классный руководитель вашей дочери...

Сердце упало.

– Что с Катей? Где она?

– Не волнуйтесь, с ней все в порядке, она на уроке физики, но мне необходимо с вами поговорить. Вы сейчас никуда не уходите?

– Нет, я только что пришла.

– Тогда позвольте, я к вам загляну, у меня сейчас нет урока и...

– Да, пожалуйста. Простите, мы ведь не знакомы?

– Да, я в этой школе недавно и еще не успела... Я буду у вас через пять минут.

Что же такое учудила Катька, если классная руководительница идет ко мне, а не вызывает меня в школу? А, скорее всего это очередные школьные поборы... В школе сейчас говорить об этом, по-видимому, небезопасно, вот ее и обязали ходить по квартирам. Да, похоже, все именно так. Катька у меня девочка спокойная, и вряд ли что-то отчебучила. И тут раздался звонок. На пороге стояла молодая женщина, лет двадцати восьми, миловидная, не похожая на училку, и, кстати, Катька о ней хорошо отзывалась. Только вот я забыла, как ее зовут.

– Здравствуйте, – улыбнулась она, – Валерия Константиновна.

– Простите...

– Анна Дмитриевна.

– Очень приятно. Хотите кофе?

– Если можно.

– Да-да, проходите на кухню.

Я включила кофеварку.

– Валерия Константиновна, вы, верно, теряетесь в догадках, зачем я к вам явилась. Дело очень неожиданное. Ко мне вчера подошла Катя и сказала, что не желает больше носить фамилию Лощилина, и просила переправить в журнале Лощилину на Муромцеву.

– Что?

– Не хочет больше быть Лощилиной. Вот так.

– Господи, бред какой-то... А вы что?

– Я сказала, что это не в моих силах, что она должна прежде всего поговорить с вами.

Она с вами не говорила?

– Нет. Я вчера очень поздно вернулась. А сегодня утром было некогда... Нет, она ничего не говорила и вела себя совершенно нормально.

– Понимаете, двенадцать с половиной лет, возраст опасный. Катя девочка на редкость развитая, умная. Должна быть какая-то причина... Мне не показалось, что это просто каприз... и я сочла необходимым поставить вас в известность. Это тревожный симптом... Но я просила бы вас не говорить Кате, что я приходила к вам. Она мне доверяет, и я...

– Понимаю. Я ничего ей не скажу. Но она как-то объяснила, почему вдруг?

– Она сказала, что до нее дошла кое-какая информация об отце и она не желает носить его фамилию. И это все. Знаете, Валерия Константиновна, мне кажется, вам следовало бы согласиться с этим ее пожеланием. Если вы просто напишете заявление, мы будем считать Катю Муромцевой.

– Да, возможно, вы правы, но я должна понять...

– Простите за нескромный вопрос. Катя видится с отцом?

– Нет, причем она сама не пожелала. Он исправно платит алименты, но они вот уже четыре года не видятся.

– Простите, может быть это не мое дело. Но что послужило причиной? Поверьте, это останется между нами. Но мне важно знать. Дети в таком возрасте... Катя очень способный ребенок и вообще, как мне кажется, она сильная личность и вряд ли из-за пустяка...

Она с каждой минутой нравилась мне все больше, эта училка. Она и вправду беспокоится. Это не показуха. Она какая-то настоящая.

– Дело в том, что четыре года назад погибли моя сестра и ее муж, у них остался сын, четырехлетний малыш, и я, естественно, взяла его к себе. А муж этого не хотел... Мы расстались. А Катька, до того боготворившая отца, вдруг заявила: «Мама, он предатель! И слабак! Если взрослый мужчина бросает жену и дочь из-за четырехлетнего сиротки, значит, он просто ждал повода. И нечего о нем жалеть!»

– И это в восемь лет? – ахнула училка.

– Я сама была в шоке.

– Извините, Валерия Константиновна, а ваш муж...

– Бывший муж, – поправила я ее.

– Да-да, разумеется. Он ведь, кажется, писатель, и даже довольно известный?

– Да. Но причем здесь это?

– Я думаю, Катя прочитала что-то о нем в Интернете. А ведь это может оказаться неправдой...

– Я поговорю с ней. Обязательно.

– Валерия Константиновна, может, это праздный вопрос, но я...

– Спрашивайте!

– В кого Катя такая?

– В деда. Тот тоже был такой... максималист, в чем-то упертый... Но очень сильная личность. А я нет. Да и отец Катькин совсем другой. Скажите, а вы... как вам удается в нынешней школе быть такой...

– Какой? – улыбнулась училка. Улыбка была прелестная.

– Настоящей.

– О, спасибо вам! Просто я по призванию учитель. Очень люблю детей, мне с ними интересно, а ваша Катя незаурядная девочка. И я очень рада, что мы с вами нашли общий язык. И вместе сумеем помочь ей преодолеть этот кризис. Ну, спасибо за кофе, мне пора. Я оставлю вам свой телефон, на всякий случай...

– Спасибо вам огромное. Я еще не встречала такого отношения к детям. Спасибо!

Она ушла. И тут же зазвонил телефон.

– Лерка! Ты уже видела эту мерзость? – закричала в трубку подруга Рита, живущая в Израиле.

– Ты о чем?

– Какой же все-таки Димка подлец! Скотина!

Вот оно!

– Да что он сделал?

– Разразился интервью... Да каким! Вот что, спрашивается, ты ему плохого сделала? Племянника родного не бросила? А он... У меня слов нет!

– Да что он такого наговорил?

– Тебе зачитать?

– Зачитай!

– Ну, мало того, что он всех своих баб перечисляет, с именами и фамилиями, так о тебе он сказал буквально следующее: «Мой первый брак был роковой ошибкой. Валерия оказалась человеком из совсем другого мира – приземленной, примитивной, а при этом никудышной хозяйкой. Но ошибки легко исправить, если нет детей... А тут родилась дочь, я не хотел ребенка, но жена настояла, практически поставила меня перед свершившимся фактом. Дочь была милой малышкой, но уже к восьми годам стала благодаря своей мамаше эдаким злобным зверьком, отчего-то вдруг меня возненавидевшим. Я вынужден был оставить семью. И с тех пор я ничего о них не знаю, только регулярно перевожу деньги». Ну, каково?

– Боже, какое ничтожество! – простонала я. Теперь мне все было понятно. А Катька-то слова мне не сказала. Пожалела.

– Лерка, ты должна что-то сделать!

– Что? Что я могу сделать?

– Как что? Опубликовать в этом же журнале свои впечатления об известном писателе Лоцилине.

– Нет, я этого делать не буду. Меня от этого всего тошнит. И я счастлива, что он от нас ушел.

– Это конечно, но...

– Рит, знаешь, мне что-то нехорошо... Не могу сейчас говорить, полежу немножко...

– Только Катьке не говори.

– Ладно, не скажу, – усмехнулась я про себя.

Я буквально рухнула на диван. Перед глазами была какая-то красная муть, давление, что ли, подскочило? За что он так с нами? Ладно со мной, но ребенка-то зачем грязью поливать? Я даже заплакать не могла... Слезы стояли в горле и душили меня. Господи, во что вылилась эта, как мне когда-то казалось, невероятная любовь? А ведь она была... И он меня любил... Я знала, я чувствовала...

Опять зазвонил телефон, на сей раз мобильный. Двоюродная сестра Лиза.

– Лер, ты это видела?

– Что именно?

– Ты читала эту мерзость?

– Ты о чем? – на всякий случай уточнила я. Лиза частенько возмущалась какими-то телепередачами или публикациями в желтой прессе.

– О твоём бывшем, слава богу, бывшем!

– Да, Лиза, меня уже просветили.

– Если я его встречу, я плюну ему в его поганую рожу! А ты должна подать на него в суд! За диффамацию!

– Лиза, помилуй, какой суд? Зачем? Об этом надо просто забыть.

– А Катя? Что будет с девочкой?

– Знаешь, Лиза, Катя узнала об этом раньше нас всех, пошла к своей классной и заявила, что не желает больше носить его фамилию. И я немедленно напишу заявление в школу, пусть лучше будет Муромцевой.

– Вот это да! Ах, как бы радовался твой папа! Она вся в него! – всхлипнула Лиза. – Скажи ей, что я ею горжусь!

И до меня вдруг дошло – я тоже горжусь своей дочкой, безмерно горжусь!

Но надо браться за работу. К завтрашнему дню я должна высосать из пальца приблизительное развитие сюжета еще серий на пятьдесят, при этом нужно воскресить из мертвых двух персонажей. Жуть какая-то... Но рейтинги высочайшие и сворачивать эту бодягу никто не собирается. Я в нашей группе считаюсь самым креативным сценаристом. Одного из героев нам пришлось в свое время срочно убить, так как артист Шмелев не выдержал марафона и слинял в другие проекты. Но сейчас он согласен вернуться. Он знаменитый, красивый и продюсеры ухватились за эту возможность. А другой персонаж вроде бы утонул, но сейчас должен всплыть... так как артист за это время успел получить какую-то премию, о нем много писали и продюсеры посчитали, что он нам еще пригодится. Ну с всплытием утопленника мы разберемся легко, а вот что случилось с главным героем, всеми давно оплаканным, будет придумать куда сложнее, ведь героиня за это время уже обзавелась новой любовью и мне лично этот новый герой нравился значительно больше прежнего. Но меня никто не спрашивает, мне просто дают задание... С одной стороны это хорошо, что сериал продолжается, по крайней мере гарантированная работа и соответственно заработок, но с другой мне уже стыдно людям в глаза смотреть, такую хрень производим... Но рейтинги превыше всего! Та к куда же девался главный герой и кого вместо него похоронили? Да, задачка. Но тут прибежал из школы Гришка, румяный, веселый, голодный.

– Мама Лера, я пятерку получил! По рисованию!

– Молодец, Гришаня! А Катерину не видел?

– Видел, она сказала, что скоро придет! Но чтоб мы ее с обедом не ждали. Только мы все же подождем, ладно?

– А ты с голоду еще не помираешь?

– Если дашь морковку, не помру!

Гришке глазной врач прописал есть морковку и он ее страстно полюбил. Морковку раз в неделю нам поставляет из своего погреба моя тетка, Лизина мать, она выращивает ее на даче каким-то особым способом и хранит в песке, каждый раз напоминая: «Моя морковка лучшая в Московской области. Без нитратов!» – и втыкает в морковку какой-то приборчик, подтверждающий ее правоту. Я моментально почистила ему две морковки, он сунул одну в рот и помчался к компьютеру. А я подумала: какое счастье, что я выбрала Гришку, а не писателя Лощилина...

А вскоре явилась и Катька. Вид у нее был совершенно обычный, невозмутимый. Я покормила детей обедом, потом Гришка отправился гулять во двор вместе с другом Петькой и его

немецкой овчаркой Бобби. Я заметила, что Катерина время от времени как-то испытующе на меня посматривает. Хочет понять, знаю я уже о папочкином интервью или нет. Я не хотела сейчас говорить об этом и сходу спросила:

– Кать, сможешь воскресить Ивана?

– Мать, ты что? Зачем?

– Велели! Шмелев возвращается.

– Ну ни фиги себе! Совсем они там у вас чокнулись, что ли?

– Кать, ну ты же все знаешь, помоги! А то ничего не придумывается!

– Надо помозговать!

– Вот-вот, помозгуй, а я пока воскрешу Василия, это проще. Никто ж не видел, как он утонул...

– Во дурдом!

– Да, только вот амнезия никак не подойдет, у нас уже и так три амнезии было...

Она ушла в комнату и вдруг прибежала, сияя.

– Мать, я все придумала! Это не Иван воскреснет, это вернется откуда-нибудь его брат-близнец, о котором никто не знал. И идиотизма меньше и Шмелев при деле будет! Как тебе такая идея?

– Гениально! Катька, золото мое! Это будет другой человек, с ним и Шмелеву не так тошно будет и вообще такой простор открывается... Блеск!

И я решила немедленно позвонить продюсеру.

– Саш, привет, Муромцева. Я придумала, как поступить с Иваном! – И я изложила ему Катькину идею.

– Слушай, старуха, это супер! Такие возможности открываются... И дури меньше... Ну, ты мозг! А с Василием что?

– Да это просто. Подобрала его какая-ни будь знахарка, выходила и он до поры до времени затаился, у него ж нет документов, да и вообще... И знахарка нам эта тоже еще сгодится...

– Да, старуха, ты просто находка, а то у наших всех уже мозги отсохли, а ты еще свеженькая... Главный там уже новый проект обмозговывает, предложу тебя в качестве ведущего сценариста. Возьмешься?

– А меня же сожрут!

– Не, группу новую возьмем, из молодых, а ты их обучишь... Ладно, к этому вопросу мы еще вернемся. А пока низкий тебе поклон!

– Ну что, мать?

– Низкий тебе поклон, Катюха! Иди ко мне, моя радость!

– Мам, знаешь, я хотела с тобой поговорить...

У меня упало сердце.

– Давай поговорим.

– Мам, скажи... Ты... Ты папу любила?

– Любила, очень любила.

– А теперь уже разлюбила?

– Не теперь, давно уж...

– А тогда почему у тебя никого другого нет?

– Катюх, а мне зачем? Да и кому я сдалась...

– Из-за нас с Гришкой?

– Да причем тут вы?

– Но ты же красивая.

– Да нет, я не красивая, я разве что интересная. А это уже надо уметь оценить.

– А ты сексуальная?

– Чего? – ахнула я.

– Ну, сейчас ведь это вроде бы главное... Быть секси... разве нет?
– А бог его знает. Не до того мне... Да и возраст уже...
– Мама, это просто смешно! Тридцать три года, в наше время это не возраст. А вообще я хотела поговорить о другом... Значит, тебе на папу уже наплевать?
– С высокого дерева. Кать, ты часом не «Цепь событий» имеешь в виду?
– Ты уже в курсе?
– А как же! Мне телефон оборвали. А тебе кто сказал?
– Да девчонки в школе... Мам, я хочу сказать, что не буду больше носить его фамилию. И прошу тебя написать заявку директору, чтобы я считалась Муромцевой. Ты не против?
– Ну, Катюха, ты даешь! – я разыграла удивление. – Ты крутая! Но я согласна, сегодня же напишу... Только я не уверена, что этого достаточно.
– Я поговорила с нашей Аннушкой, она говорит, что это можно, пока у меня паспорта нет. И в паспорте я тоже буду Муромцевой! Мам, а мы без его денег могли бы обойтись?
– Вот даже как!
– Понимаешь, он там пишет...
– Катюха, плевать на то, что он пишет!
– Мамоchка, ну давай ужмемся как-то... Обещаю, что ничего просить не буду и потом... не так уж много он платит... Ничего от него не хочу! – На глазах у нее закипали злые слезы.
– А ведь ты права! Катюха, любимая моя, ты у меня самая лучшая... – уже ревела я. – И нам никто не нужен! А особенно в свете того, что ты придумала. Меня обещают сделать ведущим сценаристом на новом проекте, а это лучше оплачивается. Все, решено! Как только придет перевод, я отправлю его назад!
– Мамоchка, миленькая... Я... Спасибо тебе! Ты у меня самая понимающая мама на свете! И мы обе заревели в голос.

И действительно, вскоре пришел перевод, как обычно, на десять тысяч рублей. Что ж мы, не обойдемся без этих денег? Да это просто вопрос чести! И я отправила их назад, приписав: «Спасибо, но больше мы в твоих деньгах не нуждаемся». Полагаю, он только обрадуется.

Как-то вечером, возвращаясь со студии, я увидела в нашем дворе пожилую женщину, которая выгуливала дивной красоты ирландского сеттера. Я даже остановилась, чтобы полюбоваться собакой.

– Какой же он у вас красавец, с ума сойти! – вырвалось у меня.
Женщина улыбнулась.
– Да, он у нас чемпион Европы, – с гордостью сказала она.
– А как его зовут?
– Денди.
– О, и впрямь денди... А можно его погладить?
– Можно.
Я с удовольствием погладила шелковистую, цвета красного дерева голову пса. Он посмотрел на меня добрыми карими глазами.
– Что-то я раньше вас здесь не видела.
– А мы только на днях переехали.
– А. Вы из третьего подъезда?
– Да.
– Значит, мы теперь соседи. Думаю, мой сын просто с ума сойдет. Он помешан на собаках.
– А вашего сына не Гришей звать? – улыбнулась женщина.
– О, так вы с ним уже знакомы! А я Валерия Константиновна, можно просто Лера.

- А я Вита Адамовна.
- Очень приятно. Ну, я побегу, а то дети уже заждались.
- До свидания, Лерочка. У вас прелестный сын.
- Спасибо!

На возврат денег мой бывший муж никак не отреагировал, я была права, похоже, он просто обрадовался.

Я ехала по делам, когда зазвонил мобильник.

– Валерия Константиновна?

– Да.

– Я Роза Москвитина из журнала «Цепь событий». Вы, вероятно, читали интервью с вашим бывшим мужем?

– Нет, я такую пакость не читаю. Но наслышана.

– Мы хотели бы вам предложить написать что-то о нем, о вашей жизни... Вы ведь сценарист, то есть могли бы...

– Знаете, девушка, я...

– Мы вам заплатим и неплохо.

– Публичное копанье в грязном белье мне претит, уж извините.

– Вы категорически отказываетесь?

– Категорически.

– Что ж, дело ваше. Всего хорошего.

– И вам не хворать.

Поразительно, сколько народу читает все эти пакости! Сегодня на студии ко мне подходили люди – кто с утешениями, кто буквально требовал, чтобы я ответила бывшему супругу в том же духе, а я даже не удосужилась прочесть это пресловутое интервью. Я давно уж разочаровалась в своей давней любви, так зачем еще и это? Мне-то по большому счету плевать, но вот Катюха страдает, я это вижу, и все ее демарши – просто попытка мести отцу-предателю. Господи, зачем ему это понадобилось? А какой был когда-то парень! Я училась во ВГИКе, на сценарном, он уже оканчивал Литинститут. Это было его второе высшее образование. Перед тем он окончил МАИ. Поработал на радио. Мы познакомились в трамвае. Нам надо было выходить на одной остановке, но полил такой дождь, что я замешкалась на подножке, а он вдруг накинул мне на плечи свою кожаную косуху и буквально выволок из трамвая, так что я и опомниться не успела.

– Бежим! – крикнул он и, схватив меня за руку, потащил под навес какого-то магазина. И лишь когда мы уже были под навесом, я посмотрела на него. Он был веселый, но при этом какой-то взрослый.

– Где же ваш зонтик? А, девушка?

– Ненавижу зонтики!

– А как же вы в дождь? Мокнете?

– Мокну! – засмеялась я.

– А как же мама вас из дому без зонтика выпускает?

– А у меня нет мамы, а старшая сестра тоже не любит зонтики, она их все время теряет.

– О, значит, это у вас семейное?

Вот хам, подумала я. Спросил про маму, и даже не извинился, узнав, что у меня нет мамы.

– Вы простите меня за невольную бестактность, – тут же сказал он и смущенно улыбнулся. Вот тут-то я в него и влюбилась.

– Ладно, прощаю, а вы-то сами почему без зонта?

– Просто забыл, с утра ничто не предвещало... А как вас зовут? Меня – Дима!

– А меня Лера, очень приятно!

Красивым его никак нельзя было назвать, но у него была чудесная улыбка, хороший рост, коротко стриженные волосы, в которых поблескивала ранняя проседь, и большие серые глаза.

Когда дождь кончился, он повел меня в какую-то кафешку греться. Мы пили кофе и все не могли наговориться. Он страшно удивился, что такую молоденькую девчонку приняли на сценарный.

– Признайся честно, у тебя был блат? – допытывался он.

– Нет, просто мой рассказ страшно понравился мастеру...

– Рассказ или твоя прелестная мордашка?

– Про мордашку мне никто ничего не говорил! – возмутилась я.

– И мастер не делал тебе никаких гнусных предложений?

– Да вы что! Ему уже за семьдесят!

– Ага, значит вприглядку...

– Фу, Дима!

– Да что фу? У нас без блата попасть во ВГИК просто нереально, а тем более такой девчонке...

– А вы в институты ваши тоже по блату попадали?

– Да, тебе пальца в рот не клади! – засмеялся он, но на вопрос не ответил. – А все же сколько тебе лет? Только не говори, что женщинам такие вопросы не задают, ты еще девчонка!

– Мне девятнадцать! А вам?

– А мне двадцать девять! Лерочка, я наверное стар для тебя, да?

– Ничуть! – расхрабрилась я. Он так мне нравился! – А что вы пишете?

– Сложные романы.

– Почитать дадите?

– У меня пока нет изданных, правда, последний роман взяли в одно большое издательство.

– И как он называется?

– А тебе зачем? – засмеялся он.

– Чтобы прочитать, когда выйдет.

– А ты что, не хочешь больше со мной встречаться?

Я вспыхнула.

– Хочу, очень хочу...

– Ну так я подарю тебе роман с нежной надписью.

Чтобы преодолеть захлестнувший меня восторг и не показать ему, я пробормотала:

– Ну, может, к тому времени вся нежность уже улетучится.

– Вот это да! – хлопнул он в ладоши. – Надо же! А я непростую рыбку выловил в трамвайном аквариуме... Сдается мне, что золотую... – И он так посмотрел на меня, что я совсем сомлела.

– Но я...

– Желаний у меня для рыбки масса, но для начала только три, по традиции.

Я замерла. От испуга.

– Первое желание – твой телефон.

– О, это выполнимо! А второе?

– Не все сразу. Вот, отлично! Первое желание рыбка исполнила. – Он спрятал записочку с моим телефоном в карман. Поглядел на часы.

– Извини, мне пора бежать. Дождь давно кончился.

...Он позвонил только через неделю, когда я окончательно пала духом и потеряла надежду. Инка, старшая сестра, утешала меня, а наш мастер Евгений Фридрихович вдруг спросил:

– У девочки взрослые страдания? Поганный мужик с горизонта смылся?

– Почему поганный? – шмыгнула носом я.

– Ну, если заставляет страдать такое прелестное создание, значит, конченный поганец! Ничего, девочка моя, это на пользу. Авось потом про это напишешь и получится искренне, не придумано. Ничего, найдется, не этот, так другой! Главное, запомни, не надо заикливаться на мужиках. И тебе вредно и они, козлы вониючие, этого не любят и не ценят. Знаешь, формула Александра Сергеевича, ну насчет того, что чем меньше женщину... она и для мужиков справедлива... И не вздумай растворяться в мужике... Последнее дело для талантливой девушки. Все, иди, урок жизни на сегодня окончен. – И он не больно шлепнул меня по попе.

Надо заметить, что урок мастера не пропал втуне. Мне стало легче. В конце концов мало ли что взрослый мужик натрепал девчонке в кафе! Плюнуть и растереть!

...– Здравствуй, золотая рыбка! – без всяких предисловий начал он. – У меня созрело второе желание. Сегодня же увидеть тебя!

Мне это показалось жутким нахальством. Ни тебе здарсьте, ни тебе извините... И я ответила:

– Золотая рыбка далеко уплыла и вас не слышит. Та к что...

– Обиделась, – как мне показалось, разочарованно констатировал он. – Так я и думал. Пойми, чудачка, я был страшно занят.

– Да нисколько я не обиделась, просто мне не нравится быть рыбкой, готовой исполнять всякие желания совершенно чужого человека! – выпалила я. – А теперь здравствуйте!

– О-па! Круто! – расхохотался он. – Это называется отлуп по полной программе! Молодец! Ну, здравствуй, моя хорошая, – уже совершенно другим, каким-то задушевым тоном проговорил он. – Может, сходим сегодня в театр? Ужасно хочу тебя видеть.

– В театр? В какой?

– А не все ли равно?

– Мне – нет!

– Тогда, может, просто встретимся и решим, куда двинуть, а?

– Ну... ладно, давайте встретимся. Только забудьте о золотой рыбке!

– Суровая барышня! Хорошо, забыл.

Мы встретились, а через два месяца и поженились. Инке он не нравился, но она не вмешивалась. А вскоре и сама вышла замуж и уехала с мужем работать по контракту в Канаду. Они оба были микробиологами. И мы с Димкой остались вдвоем в трехкомнатной квартире наших с Инкой родителей. Со своей матерью Димка был в плохих отношениях. Даже не познакомил нас перед свадьбой, хотя никакой свадьбы у нас и не было, просто расписались и уехали в Питер. Конечно, мне хотелось всей этой свадебной мишуры, гостей, белого платья, но Дима сказал, что это все пошлость, денег на это у нас нет и лучше побродить по Питеру в белые ночи... Единственное, что мы себе позволили – двухместное купе. Теперь, насмотревшись на свадьбы подруг, я понимаю, что он был прав, а тогда я грустила, но не подавала виду. Ведь у меня такой строгий, такой умный, такой взрослый муж! К тому же талантливый писатель. Через три месяца после так называемой свадьбы вышла его первая книга. Мне не нравились его романы. Такие мудреные, такие мрачные... Помню, мой любимый мастер, Евгений Фридрихович, прочитал его первую книгу и как-то спросил меня:

– Скажи, деточка, а тебе-то самой это нравится?

– Конечно! – покривила я душой.

– А по-моему, ты врешь. Он, конечно, пером владеет, писать может, но эти его писания вызывают в памяти гениальную фразу Довлатова: «Мрачность ИЗДАЛЕКА напоминает величие духа». Понимаешь, о чем я?

– Да, – густо покраснела я.

– Но он, конечно, будет иметь успех. У нас мрачность в большом почете. Многие к тому же любят, чтоб было непонятно... Это ведь так красиво сказать – ах, я так люблю книги Н. А кто-нибудь простодушный спросит: «А ты там что-нибудь понял?» – «Конечно!» Кстати, по моему, это для таких вот дамочек и пишется, уж извини.

А вот Димкина мама мне, наоборот, понравилась. В ней, в отличие от сына, была какая-то очаровательная легкость. Мы совершенно случайно столкнулись с ней в театре «Современник». И он наконец представил меня ей.

– Вот, мама, познакомься, это Лера, моя жена.

Мне было так стыдно в этот момент, но Елена Павловна, кажется, все поняла. Она вдруг ласково улыбнулась, потрепала меня по плечу и сказала с прелестной улыбкой:

– Лерочка, мой сын довольно мрачный тип, поэтому, когда устанете от него, звоните мне, пообщаемся. И я мечтаю о внучке!

– Какая у тебя чудесная мама! – искренне сказала я, когда мы шли домой. – Почему ты с ней не ладишь?

– Она слишком легкомысленное создание. И это еще мягко сказано, – пробурчал он. – Но если ты хочешь с ней общаться, ради бога. Только без меня, ладно?

И мы стали общаться. Без него. Она очень нежно ко мне относилась. А как она была счастлива, когда родилась Катька! Учила меня всему, помогала по мере сил, но через полтора года вдруг выскочила замуж за овдовевшего друга юности и уехала с ним за границу. Первое время еще писала мне, а потом перестала. Мы только изредка созванивались.

– Я же предупреждал, что у матушки легкость в мыслях необыкновенная, – констатировал муж. – Ах, я хочу внучку! Ах, какое счастье наша Катька! И вдруг вильнула хвостом... Теперь ты меня понимаешь?

– Знаешь, Дим, будь твоя мама другой, она бы очень страдала из-за твоего отношения...

– Будь она другой, и отношение было бы другим.

– А разве нельзя любить маму просто за то, что она твоя мама?

– Наверное, можно, но у меня не получается.

А маленькую Катьку он как будто бы обожал. Вozился с ней, гулял, тетешкался.

А потом погибла Инка и ее муж. И маленький Гришка остался один. Ну разве могла я не взять его? Поначалу Димка молчал, не возражал, потом как-то сорвался, наорал на меня. Я зашивалась и упустила из виду какую-то его мелкую просьбу. А он заорал, что в доме стало невозможно жить, а работать и подавно! Это был только первый звоночек. Потом эта тема стала возникать постоянно. Он куда-то уезжал на месяц, иногда на два, Катька скучала, а я отдыхала душой. Но через полгода он вдруг заявил, что уходит. Он, мол, любит и меня и Катьку, но двое детей в доме для него непереносимо, и ушел. Как выяснилось, ушел к красивой молодой актрисе. С тех пор у него этих актрис сменилась уже целая вереница... А он стал модным писателем. Иногда, не часто, появлялся на телеэкране. Давал интервью в журналах, номинировался на «Букера», вошел в шорт-лист, но премию не получил. Думаю, его это больно уязвило. А впрочем, бог с ним!

...Как-то вечером я решила пойти в магазин на соседней улице. Он недавно открылся и кто-то из соседей говорил, что там очень свежие продукты. Мне этот магазин категорически не понравился, там все было, может, и свежее, но выглядело как-то неаппетитно. А цены оказались очень даже высокими. Ну и зачем мне эта радость? Я купила только пол-литровую банку клюквенного йогурта на пробу и пошла домой. И вдруг увидела, что на газоне лежит ирландский сеттер. Живой, но явно в полном изнеможении.

– Денди! – позвала я.

Пес сразу поднял голову. Сел.

– Денди, ты что тут делаешь? Где твоя хозяйка?

Пес был весь какой-то грязный, шерсть пыльная, и на ошейнике болтался обрывок поводка. Ничего себе! Похоже, пес потерялся.

– Денди, бедный, ты потерялся? Пойдем домой?

Он заскулил.

Я решительно взяла его за ошейник.

– Идти-то сможешь?

Он пошел со мной рядом, только чуть прихрамывая.

Я позвонила в квартиру новых соседей.

– Кто? – раздался мужской голос.

– Простите, это не ваша собака?

Дверь мгновенно распахнулась.

– Боже мой, Денди! Спасибо вам огромное. Где вы его нашли?

Мужчина присел на корточки и обнял пса. Ему было лет 35–40. И выглядел он почти таким же помятым и неопрятным, как и Денди.

– Вот радость-то! Да вы заходите. Может, хотите кофе?

– Да нет, спасибо, я пойду.

– Ох, простите! – Он вытащил из валявшегося на подзеркальнике бумажника три тысячных купюры.

– Вы что, с ума сошли?

– Почему? За вознаграждение... – смутился он.

– Я не за вознаграждение, я просто по-соседски!

– Извините ради бога! Я просто думал... Мы тут объявления расклеили... Простите, пожалуйста!

– Ладно! Я рада, что Денди обрел хозяев.

– Надо срочно сообщить маме, она так убивалась. Ох, а как вас зовут?

– Валерия Константиновна. Всего доброго!

– А я Игнат!

– Очень приятно. И всего хорошего.

Я поспешила уйти. Он мне не понравился.

...– Мама, тебе тут обзвонились! Ты мобилу забыла! – сообщил Гришка.

– Ох, в самом деле!

Я проглядела все вызовы. Ничего волнующего или срочного. И пошла готовить ужин. Гришка явился мне помогать.

– А где Катерина?

– У Наташки. Мама Лера, а ты знаешь Денди? Он пропал! Такой хороший был... А вдруг его гицель увез?

– Кто? – не поняла я.

– Гицель.

– Постой, ты откуда это слово знаешь?

– Тетя Валя из тридцать второй сказала – его небось гицель увез! Гицель – это плохой человек, да?

– Наверное. Но только его никто не увез. Я его нашла и только что отвела домой.

– Правда? – просиял Гришка. – Мамулечка, какая ты хорошая! Вот тетя Вита, наверное, обрадовалась.

– Ее дома не было, только ее сын.

– У нее есть сын?

– Да. Он сказал – вот мама обрадуется!

– А сын большой?

– Ага! Здоровенный!

Гришка, похоже, был разочарован.

– А что у нас сегодня на ужин?

– Салат с креветками.

– Ура!

Вскоре явилась Катерина и мы сели ужинать. Меня то и дело дергали по телефону, то одно, то другое. Никак не удавалось спокойно посидеть с детьми. Я пришла в крайнее раздражение. Хоть бы один приятный звонок... Но часам к десяти все кончилось. Гришка уже спал, а Катерина что-то читала. Надо сказать, мой ребенок все свободное время читает книги, и Гришка, глядя на нее, тоже начал читать. И это меня безмерно радует. Многие мои знакомые жалуются, что их дети не желают читать. А мои...

– Катюха, спать не пора?

– Мам, я только главу дочитаю...

В этот момент в дверь позвонили.

– И кого черт принес? – проворчала я и пошла открывать.

– Кто там?

– Лерочка, дорогая, открой! Это Елена Павловна!

Господи, бывшая свекровь! Я распахнула дверь, и мы кинулись друг другу в объятия.

Елена Павловна плакала.

– Что с вами? Почему вы плачете?

– Как же я рада тебя видеть! А где Катюшка, она дома?

– Катя!

Но Катя уже выскочила в прихожую. Бабушку свою она не помнила. Елена Павловна уехала, когда ей было неполных два годика.

– Боже мой, какая ты стала! Совсем большая! – рыдала Елена Павловна. – Катенька, я твоя бабушка... Ты меня совсем не помнишь?

– Извините, нет, не помню, – довольно сухо ответила Катя.

– Хотя чего удивляться, бабушка-кукушка... – всхлипнула Елена Павловна.

Катя вдруг улыбнулась. Видно, обаяние Елены Павловны не оставило ее равнодушной.

А та схватила Катю в объятия, стала целовать.

– Катенька, родная, прости меня, солнышко, я такая беспутная старушка...

– Вы не старушка, – заметила вдруг Катерина. – Вы просто... немолодая дама.

– Батюшки светы! Какая у меня внучка!

– Послушайте, что мы торчим в прихожей? Елена Павловна, хотите чаю? Может, вы голодны?

– А винца у тебя сухого нет? Я вечером пью только бокал сухого вина.

– Есть! Пошли тогда в комнату. Катюха, тащи бокалы!

– Сколько? – осведомилась Катя.

– Два! А тебе пора спать!

– Я слишком поздно, да? Но я только сегодня прилетела, вещи в отель забросила и к тебе!

– Почему в отель? – несказанно удивилась я.

– Та к моя квартира сдана.

– А вы надолго в Москву? – спросила Катя, доставая из буфета бокалы.

– Как поживется... Господи, до чего же я рада вас видеть, девчонки! Я вам подарки привезла, целую кучу, но оставила все в отеле, я ж не была уверена, что застану вас... Но завтра я приглашаю вас на обед, завалимся в какой-нибудь шикарный ресторан... А сейчас, Катюня, иди спать, тебе же завтра в школу!

– Ладно, – засмеялась она, – ясно же, вам поговорить охота! Тогда до завтра, бабушка!

– Солнце мое! – воскликнула Елена Павловна и опять залилась слезами.

Катя удалилась.

– Боже, какой ребенок! Лерочка, а ты... Ты не против... что я... опять появилась...

– Боже мой, почему я должна быть против?

– Ну, после этой Димкиной статьи... Это же ужас что такое... Я как прочитала, сразу заказала билет в Москву! Как можно? Я никогда его не понимала... Что он за человек? В кого? Его отец был добрым, порядочным... Лерочка, детка, почему вы расстались? Ты не вынесла его характера? Но ты ведь любила его, и он тебя как будто тоже... Что произошло? Ты прости, что я поздно спохватилась... Меня на старости лет так закружило... У меня уж два мужа сменилось...

– Ничего себе! – воскликнула я.

– Сейчас речь не обо мне! Расскажи, почему вы расстались?

Я рассказала.

Она внимательно меня выслушала.

– Теперь мне многое понятно... Знаешь, почему он дал это интервью?

– Да какая разница!

– Он просто не смог простить тебе, что ты выбрала не его, а мальчика...

– Это его проблемы! Он же в конце концов не безмозглый эстрадный звездун, а писатель, интеллектуал, должен соображать... Как можно так о своем ребенке... Как бы он ко мне ни относился, но Катя-то тут причем?

– Ты не думай, я его не оправдываю, я просто пытаюсь сама понять... А я, кстати, не хочу с ним встречаться.

– Ну, это уж вы зря.

– А мы с ним никогда не были близки. И я ему сто лет не интересна. Он мне звонит примерно раз в два года... Я ему совершенно не нужна. Вот такое чудовище я вырастила. Ты простишь меня, Лерочка?

– А мне-то за что вас прощать?

– Ты всегда мне нравилась, я очень нежно к тебе отношусь, ну что ж делать, что я такая легкомысленная... У меня была тяжелая молодость, вот я на старости лет и наверстываю...

– Какая вы молодчина!

– Лерочка, расскажи, как ты-то живешь? Димка хоть деньги дает?

– Давал, десять тысяч в месяц. Но после этого интервью Катюха взмолилась: мама, давай лучше уждемся, но не будем брать у него деньги...

– Ах, какая девка!

– И фамилию его она отказалась носить.

– Знаешь, я ее уважаю! По-настоящему! Ну, а у тебя-то есть какой-нибудь мужик?

– Нет, постоянного нет. Так, изредка, что-то бывает...

– Что называется, для здоровья?

– Ну да. Но у меня и времени нет. Столько работы...

– А где ты работаешь? Ты же училась на сценарном?

– Можно сказать, по специальности и работаю. Пишу бесконечные и безразмерные сериалы.

– Слушай, а я смотрю наши сериалы, но на сценаристов как-то внимания не обращала...

– И «Фамильный браслет» смотрите?

– Да. Сама удивляюсь, что за дурь, но смотрю. Мне только жалко было, что этого Ванечку убили... Мне Шмелев очень нравится, – чуть смущенно улыбнулась Елена Павловна.

– Могу вас порадовать. Он вернется в сериал.

– Неужто воскреснет?

– Нет, но появится его брат-близнец.

– Правда? Здорово!

– Кстати, этого близнеца Катюха придумала.

– Да что ты говоришь? Вот умница!

– Да, она меня частенько выручает, когда мозги совсем уж засыхать начинают.

– И за это прилично платят?

– Да не очень, но справляемся. Елена Павловна, расскажите о себе, что там у вас за бурная жизнь?

– Ой, не говори! Ну, ты же помнишь наверное, я уехала в Испанию, с Мигелем. Такая любовь была... А мне, прошу заметить, пятьдесят пять стукнуло на тот момент. Я думала, это уже последнее чувство... Где там! Через два года мы разошлись. Ну не могли понять друг друга... А я встретила случайно в Толедо своего одноклассника, Володю Циммермана. Он жил во Франции и недавно овдовел. И у нас случился бурный роман... Он превосходный музыкант, играл в оркестре Гранд-опера. Это были прекрасные годы. Но он вдруг возьми и умри, а мне уж за шестьдесят, о чем тут еще думать... Володя оставил мне в наследство хорошую квартиру в Париже и кое-какие денежки, но я начала подыхать с тоски и одна моя подружка, тоже из русских, богатая дама, управляющая сетью магазинов крупной дизайнерской фирмы, предложила мне место администратора в их магазине в Касабланке.

– Где? – ахнула я.

– В Касабланке, представь себе. И я согласилась. Мне платили хорошие деньги, я знаю три европейских языка, не считая русского, а русских в Марокко великое множество. И вот сейчас я опять замужняя дама. Мой муж француз, архитектор, исключительно интересный мужчина... Лера, ты должна с детьми приехать ко мне, у меня такой дом... Это просто чудо! Я такие раньше только в кино видела! Я тебе завтра покажу фотографии. Марокко такая интересная страна!

– Боже мой, Елена Павловна, вы чудо! И вы так прелестно выглядите!

– Для своих лет, пожалуй, – засмеялась она. – Нет, правда, приезжай!

– Но там же, наверное, очень жарко?

– Если приехать в сентябре, это идеально!

– Но в сентябре дети учатся!

– Ну пропустят две недельки в начале учебного года, большое дело! А я найду тебе там мужа...

– Ох, меньше всего на свете я хочу мужа. С меня хватит. Ой, Елена Павловна, а Димка знает о ваших похождениях, иначе и не назовешь?

– Ну, весьма схематично. Я просто ставила его в известность о своих географических перемещениях... Ну и о смене мужей, естественно.

– И он ни разу не приезжал к вам?

– Нет, хотя я его приглашала. Но он только фыркал.

– Ой, а на каком языке вы говорите с вашим марокканским мужем?

– На русском. Первая его жена тоже была русская. Но она умерла, а их единственная дочь погибла в автокатастрофе. Он замечательный человек, талантливый архитектор, человек широко образованный. Мне с ним так интересно... И он будет счастлив, если ты с детьми к нам приедешь... Он очень любит детей, а его Аллах обделил детьми...

– Аллах? – переспросила я.

– Я по привычке, – улыбнулась она.

– С ума сойти от вас, Елена Павловна, я просто в восторге! У нас на студии полно молодых девчонок, которые уже отчаялись найти приличного мужика, а вы... Я им о вас расскажу, чтоб надеялись...

– Вот-вот, в этой жизни все возможно... Даже разочарование в собственном сыне.

– Елена Павловна!

– Что Елена Павловна? Ну как можно дойти до того, чтобы собственную единственную дочку назвать злым зверенышем? Это что? Это как? Я когда прочитала, чуть с ума не сошла...

Рассказала Франсуа, он сразу заявил: ты должна поехать в Москву и объяснить сыну... А я вот к тебе примчалась. И так рада, что Катька наша такая умная и гордая...

– Но вы все-таки намерены с Димой встречаться?

– Пожалуй, нужно! И я ему все выскажу, пусть знает, что родная мать о нем думает, хоть он меня всерьез и не принимает. Я ужасно рада тебя видеть, но ты меня огорчаешь.

– Чем?

– Ты явно на себя рукой махнула. У тебя какой-то запущенный вид...

– Но я...

– Я знаю все, что ты скажешь! У тебя мало времени и денег, двое детей, работа... Но это не оправдание. Посмотри, какая у тебя сухая кожа! Ну, с этим мы справимся. Я привезла тебе аргановое масло и всякие марокканские штучки... И твоим гардеробом я тоже займусь. Негоже женщине в тридцать три года не обращать на себя внимание! Это преступно! И вообще, моя цель – выдать тебя замуж!

– Да боже упаси! Зачем мне замуж? Да и кому я нужна с двумя детьми?

– Чтобы я не слышала этой чепухи!

На следующий день я с детьми была в гостях у бывшей свекрови. Она навезла подарков нам с Катюхой, а так как о Гришке ничего не знала, то с утра успела купить ему айфон. Восторгу не было пределов. Потом мы обедали в ресторане, Елена Павловна рассказывала массу интересных историй, дети смотрели на нее влюбленными глазами. Да и я тоже. И как у такой матери вырос такой сын? Непостижимо!

Вечером, когда я зашла поцеловать Гришку перед сном, я заметила, что глаза у него заплаканные.

– Гриня, что с тобой?

– Я страдаю! – выпалил он.

– Оп-ля! Отчего это ты страдаешь, можно узнать?

– Оттого, что у меня нет бабушки! И никогда не было и не будет...

– А с чего ты взял, что не будет? Мне, например, Елена Павловна сказала: «Как я счастлива, что у меня появился еще и внук!» Та к что, не страдай, считай, что у тебя есть бабушка.

– Она это из жалости?

– Нет, просто она любит детей!

– Ты меня не обманываешь?

– Зачем?

– Чтобы утешить...

– Нет, я считаю, что утешать враньем нельзя, это вредно...

– Кому вредно?

– Всем. Тебе вредно, потому что когда вранье раскроется, а рано или поздно любое вранье раскрывается, ты действительно будешь страдать. И мне вредно, потому что совесть будет мучить и вообще...

– А мы правда поедem в Марокко?

– Думаю, да. Но не раньше сентября, так бабушка сказала.

– Ой, как еще нескоро!

– Ничего, потерпим.

Гришка тяжело вздохнул.

– Ладно, потерпим.

Утром, спровадив детей в школу, я собралась ехать по делам. Вчера вечером я перед сном намазала лицо знаменитым аргановым маслом. И сегодня выглядела куда свежее, чем вчера. Надо же! От этого сразу поднялось настроение.

Когда я вошла в лифт, там стоял какой-то упоительный запах. Это мужской одеколон, сразу определила я. Господи, да за мужиком, который так пахнет, я бы пошла на край света... Он должен быть высоким, широкоплечим и неотразимо элегантным. Гладко выбритым и вообще прекрасным... Что это со мной? Откуда эти мысли о мужиках? Со мной такого давным-давно не было. Неужто из-за капельки арганового масла на морде во мне проснулась женщина? Или все-таки от этого волшебного запаха? Подобные мысли не отпускали меня и в машине. Этот запах я слышала впервые, значит, в лифте до меня ехал кто-то не из нашего подъезда. Или новый жилец с ирландским сеттером? Да нет, такой не может пользоваться этим роскошным одеколоном. Да и на студии и на канале никто этим парфюмом не пользовался, я бы обратила внимание. Значит, этот мужчина приезжал к кому-то... А скорее всего ночевал у кого-то. Но не возит же он с собой одеколон? Хотя... Если он метросексуал, то запросто может. А ночевать он мог разве что у Таньки Соломатиной, у нее модельная внешность, она вообще шикарная женщина. Да, скорее всего! А может, она подарила своему мужику этот одеколон... Вполне возможно... А что если женщина надушится мужским одеколоном? Может получиться интересно... Вот корова, о чем я думаю? Совсем с ума спятила...

Елена Павловна с утра пребывала в дурном настроении, так как с вечера решила, что завтра непременно позвонит сыну. И, по возможности, увидится с ним. Как получилось, что он вырос таким жестоким, бесчувственным? Пошел в деда, тот тоже был недобрым... Да ну, вспоминать о покойном свекре не хотелось. Но и встречаться с сыном не хотелось тоже. Однако он может узнать, что я была в Москве, и получится дурацкая демонстрация... Нет, надо позвонить, но сперва следует позавтракать. Елена Павловна оделась, привела в порядок лицо, надо же, для своих лет я еще о-го-го! Настроение поднялось и она отправилась завтракать. После марокканского кофе любой кофе казался ей отвратительным, и она налила себе чаю. А вот пирожки с капустой тут поистине восхитительные. И вдруг Елена Павловна поймала на себе пристальный взгляд какого-то мужчины. Ему было от силы лет сорок, а может и меньше. Она пригляделась. Его лицо показалось ей смутно знакомым. А мужчина, поймав ее слегка недоумевающий взгляд, поднялся из-за столика и подошел к ней.

– Елена Павловна?

– Да. А мы, кажется, знакомы?

– Я Марик, помните меня? Марик Косецкий.

– Боже мой, Марик! Какой ты стал! Красавец! Как я рада тебя видеть! Садись ко мне, поговорим! Ты не очень спешишь, а то болтливые старухи это так обременительно.

– Да что вы, Елена Павловна! Какая ж вы старая, вы все такая же... прелестная женщина! Но почему вы в гостинице? Вы тут остановились?

– Да, я приехала ненадолго...

– Но почему вы не у Димки? Как он, кстати? Сто лет его не видел.

– Но ведь и ты был москвичом, Марик.

– Да, но теперь я бостонец. У меня в Москве никого не осталось.

– А я теперь живу в Рабате.

– Это в Марокко? – поразился Марк.

– Да, представь себе, я замужем за марокканским французом.

– Обалдеть! Елена Павловна, вы просто чудо! И как вам там живется?

– Прекрасно! А ты женат, Марик?

– Был. Развелся. А Дима, он по-прежнему с Лерочкой?

– Увы, нет. И его новую жену или даму я еще не видела.

– Но у них ведь дочка была. Катюшка. Кстати, это я им присоветовал назвать ее Катюшкой. Она совсем большая, наверное.

– О да, скоро тринадцать и это такая девка, с ума сойти!

- То есть вы с ней уже виделись?
- Конечно!
- А как Лера? Вышла замуж?
- Да нет. Послушай, Марик, а она, мне помнится, нравилась тебе?
- Было дело. Но она же с ума сходила по Димке... А он ведь состоялся. Известный писатель теперь. Я тут видел на улице рекламу его новой книги...
- А ты что-нибудь читал?
- Да, я читаю все его книги. По-моему, он здорово пишет.
- А мне что-то не нравится. Сплошь какая-то мрачная заумь. Впрочем, ты же ученый, тебе такое нравится?
- Понимаете, я не могу сказать, что это мое. Но я вполне способен оценить.
- Надо же... Я даже рада, а то все говорят, что слишком сложно, слишком мрачно. Значит, кому-то это надо.
- Как странно, Елена Павловна, вы говорите о сыне как-то отчужденно, что ли... Впрочем, простите, если я был бестактен.
- А ты с ним видишься?
- Давно не виделся. Он раза два меня не то чтобы отшил, но...
- Елена Павловна вспыхнула.
- Думаешь, я уверена, что он и меня не отошьет? Я ему еще не звонила.
- Да бог с вами, Елена Павловна, вы же его мать.
- Будем надеяться, – засмеялась она. – А хочешь я дам тебе Лерочкин телефон?
- А он у нее изменился? – вдруг покраснел Марик.
- Да нет. Только знаешь, у нее теперь двое детей. Она взяла осиротевшего племянника.
- А... Ну что ж, это вполне в ее духе. А чем она занимается?
- Пишет сценарии.
- Это здорово, она всегда к этому стремилась. Молодчина. Как вы считаете, Елена Павловна, она не будет против, если я ей позвоню?
- Да нет, конечно, с чего бы ей быть против?
- Что ж, попробую, – вдруг страшно смутился он. – Простите, мне пора бежать, у меня научная конференция...
- Да беги, беги.
- А вдруг у Леры что-то сладится с Мариком? Он такой милый парень.
- Вернувшись в номер, она решительно взялась за телефон. Ответил женский голос.
- Алло!
- Добрый день, могу я поговорить с Дмитрием Сергеевичем?
- А кто его просит?
- Его просит его мать!
- Мать? Какая мать?
- Что значит какая? Его родная мать!
- Ох, извините... Я не подумала... Да-да, я сейчас его позову.
- Похоже, она даже не знает моего имени-отчества, а может и вообще не подозревала о моем существовании.
- Алло, мама! Ты в Москве?
- Да, представь себе. И хотела бы тебя увидеть.
- Но почему ж ты не позвонила заранее, я бы тебя встретил. Ты где остановилась?
- В гостинице.
- Ну зачем же...
- Не люблю никого стеснять. Та к мы можем увидаться?

– Ну, разумеется, мама! Знаешь что, приходи сегодня вечером к нам, я познакомлю тебя с женой. Поужинаем, Марина чудесно готовит. А как твой француз?

– Лучше всех!

– Но ты приехала одна?

– Да.

– Ну что ж, скажи, где ты остановилась, я вечером заеду за тобой.

– А знаешь, кого я встретила тут, в отеле? Марика Косецкого.

– Да? Тебя это обрадовало?

– Меня – да! А тебе это неинтересно?

– Сказать по правде, совершенно неинтересно, мама.

– Та к в котором часу мне тебя ждать?

– Примерно в половине восьмого, но, учитывая пробки, могу и опоздать. А кстати, в Марокко бывают пробки?

– Еще какие! Ну, до вечера, сынок!

Фу, как трудно с ним разговаривать. Какой он чужой... Единственный сын и такое отчуждение... Наверное, я сама в этом виновата. Но почему же Лерку я ощущаю как родную, не говоря уж о Катюшке? И этот трогательный малыш Гришка. Как можно было всех их бросить? Мне этого не понять. Но посмотреть, как теперь живет мой сын, известный писатель, здорово интересно. И что за жена у него?

– Послушай, Саш, я вчера видела отснятый материал.

– И что, голуба моя? Там исказили твой гениальный текст? – сразу вызверился на меня продюсер.

– Нет, с этой точки зрения все в порядке. Но...

– Но что тогда?

– Это никто не сможет смотреть!

– Почему?

– Ну нельзя в таких сериалах делать эти бесконечные проходы, трехминутные паузы, это же кошмар! Милена приезжает в дом Аркадия и молча бродит по нему, при этом твоя Курочкина играет из рук вон плохо, ну не может она такие паузы вытягивать и все валится. Зритель отвлечется с радостью на что угодно, а после этой тоски еще пойдет реклама и все, кирдык! Плакали наши рейтинги!

– Ты что, всерьез?

– Нет, это у меня такие шутки! Это ж не фестивальное кино, это сериал для домохозяек. Если нужно просто намотать метраж, так и скажи, я лучше придумаю массу каких-то мелочей, чем эту тягомотину устраивать! Собаку в кадр пустим или кошку, или птичку, как у Михалкова...

– Странная ты баба, Лерка! До всего тебе дело есть.

– А как же! Там, между прочим, мое имя стоит. И мне за работу деньги платят. А у меня двое детей, на минуточку! Если рейтинги упадут, нас как нечего делать прикроют. Пойми, это ж надо снимать профессионально, крепко, но самовыражение неудачника от большого кино нам все только испортит.

– Ох, не любишь ты Васю.

– Я вообще бездарей не люблю. Понимаешь, я ведь тоже мечтала писать сценарии к полнометражным фестивальным фильмам, но не случилось, бывает, так жизнь сложилась... Но это не значит, что я должна от обиды халтурить там, где работаю.

– Права, тысячу раз права, голуба моя! Я посмотрю и разберусь. Знаешь, Шмелев в полном восторге, что ему не придется воскресать. Он сказал: тот, кто придумал брата-близнеца, достоин приза! И он обещал, что купит тебе огромный торт! Поглядим, не забудет ли.

– Забудет, напомним! Моя команда обожает торты.

Я еще покрутилась на студии, рассказала двум коллегам женского пола о своей бывшей свекрови, те ахали, восхищались и завидовали.

– Это ж надо, за шестьдесят лет найти мужа...

– Но сперва надо еще было решиться в таком возрасте сменить Париж на Марокко.

– Отчаянная дама! А может, податься в Марокко? Говорят, интересная страна...

– Да ну, Леркина свекровь из тех, что и в Тмутаракани и в Майами без мужика не останутся... А кто она по профессии?

– Преподавала когда-то французский в Щуке.

– Ну надо же...

Я поехала домой. И вдруг обнаружила, что бензина у меня если и хватит до дому, то завтра я уже до заправки не доеду.

Как назло, народу на заправке не было, а я никак не могла открыть бензобак. Никого из obsługi тоже не было видно, холод собачий. Я сломала ноготь, достала резиновую перчатку, ничего не помогало. О, кто-то подъезжает, только бы не дамочка. Но машина серьезная, не дамская, джип-«лексус». Я бросилась к водителю, который даже не успел выйти.

– Здравсьте! Умоляю, помогите!

– Что случилось? – без особого энтузиазма откликнулся он. Это был довольно хмурый мужик, явно не в настроении.

– Не могу бензобак открыть, ноготь сломала, а тут никого...

Он молча подошел, глянул, протянул руку и мгновенно отвинтил крышку.

– Ой, как вы... Спасибо вам огромное.

– На здоровье, – буркнул он. И смерил меня оценивающим взглядом. То, что он увидел, ему явно не глянулось. Заполошная бабенка на старенькой «шкоде», все ее годы и неприятности на морде написаны.

Нет, с этим надо что-то делать! Одним аргановым маслом не обойдешься.

...Елена Павловна волновалась перед встречей с сыном. Она все-таки любила его, хоть за многое и осуждала. И простить ему пренебрежительное отношение к себе легко могла, она и сама не считала себя идеальной матерью, но вот обида, нанесенная им внучке, это уже совсем другое дело...

Он подъехал на красивой машине, в марках Елена Павловна не разбиралась. Сорокалетний мужчина с красивой проседью в темных волосах, элегантный. То, что называется интересный и какой-то значительный, что ли...

– Мама! Здравствуй! Ты чудесно выглядишь!

Он наклонился и расцеловал ее в обе щеки. Она растаяла.

– Димочка, мальчик мой, какой ты стал...

– Ну, садись, мама, поедem к нам. Я теперь живу на улице Красина.

– У новой жены?

– Нет, зачем же. Я купил квартиру. Я, мама, теперь известный писатель...

– Да знаю, знаю. Слежу.

– Неужто читаешь?

– Кое-что читала, но не все, в Марокко русских книг почти не достать, если только кто-то привезет, да еще у нас в Рабате есть русский культурный центр, а там недурная библиотека, но с новинками плохо... Может, ты мог бы послать туда какие-то свои книги?

– А почему бы и нет? Пошлю.

– Скажи, а кто твоя нынешняя жена?

– Марина актриса.

– Помнится, у тебя уже была актриса, но ту звали Светлана, кажется?

– Все течет, все изменяется, – усмехнулся он, – вот только ты, мамочка, все та же. Не собираешься уходить от своего марокканца?

– Знаешь, если бы я встретила своего Франсуа в молодости, я бы прожила с ним всю жизнь... По крайней мере мне так кажется.

– Вот даже как! С ума сойти!

– Скажи, а с Лерой ты встречаешься?

– Нет.

– Но как же Катюшка?

– Она сама от меня отказалась.

– Отказалась? Вот так, ни с того ни с сего?

– Ну, не совсем... Но... Когда мы с Лерой расстались, она резко взяла сторону матери. Что я мог поделать?

– Скажи, а почему вы расстались? Мне казалось, вы любили друг друга?

– Понимаешь, мама, писателю нужен какой-то покой, свое личное пространство, но Лера не желала с этим считаться. Та к вот и получилось...

– Но как Лера могла этого не понимать. Она тоже пишущий человек...

– Ох, мама, между писателем и пишущим человеком дистанция огромного размера.

Он мне не нравится, вдруг произнесла про себя Елена Павловна и у нее заболело сердце.

В лифте опять пахло упоительным мужским парфюмом. Хотелось бы взглянуть на носителя этого волшебного аромата. А это мог бы быть неплохой сюжетный ход... Правда, в кино он не годится, а в сериалах тем более. Да ну, наверняка это какой-нибудь шпендрик решил корчить из себя шикарного мужика. Со шпендриками такое нередко бывает, особенно если у них много денег. Кстати, Димке подошел бы такой запах. Стоило мне о нем вспомнить в этой связи, как я почти возненавидела этот парфюм. Вот и славно, спокойнее будет.

Детей дома не было. Но я знала, что Гришка на английском, а Катька в бассейне.

На столе стоял роскошный букет белых хризантем. Боже, откуда? Возле вазы лежала записка: «Мамуль, цветы от хозяина Денди с превеликой благодарностью».

Ишь ты, воспитанный, значит. Люблю цветы. Давненько мне цветов не дарили. А Димка и вовсе никогда. Не понимал... Вот только когда родилась Катька, да и то под давлением Елены Павловны. И что это я сегодня все его вспоминаю? И тут позвонила Елена Павловна.

– Лерочка, милая, как ты?

– Да ничего, все в порядке. А вы?

– Я – нет.

– Что случилось?

– Я вчера была у Димы.

– И что? – испугалась я.

– Можно я сейчас приеду?

– Ну конечно!

– А дети дома?

– Пока нет, но скоро вернутся. А что? Они могут помешать?

– Помешать? Мне? Да господь с тобой. Мне никогда дети не мешают. Я буду минут через сорок. Не нужно ничего купить?

– Нет-нет, приезжайте скорее.

Она очень взволнована, неужто Димка обхамил ее? Он может... Тьфу, опять он...

Елена Павловна действительно выглядела очень взволнованной. Она заключила меня в объятия, расцеловала. На глазах выступили слезы.

– Елена Павловна, миленькая, что стряслось?

– Погоди... – Она вынула из сумки большую красивую банку. – Вот... Это кофе. Я не могу в Москве пить кофе после Марокко. Ты попробуй, сразу поймешь...

– А что я буду делать потом, когда этот кончится? Пить чай? – улыбнулась я.

– Я буду тебе присылать... – вдруг всхлипнула она.

– Елена Павловна, дорогая, что случилось?

– Понимаешь, вроде бы ничего. Но... Он какой-то совсем чужой... и даже неприятный человек. Я сама себе ужасаюсь, ведь это мой сын, единственный сын, моя кровиночка... А мне так с ним тяжело, как никогда раньше. У нас всегда были сложные отношения, но сейчас... И эта девочка, его жена... Такая красивая, милая, но, мне показалось, вконец несчастная.

– Почему?

– Глаза у нее несчастные какие-то.

– Но зачем же она с ним живет, если такая несчастная? Детей у них, кажется, нет и...

– Может, любит его?

– Ох, Елена Павловна...

– Я знаю, ты сейчас скажешь – мне бы ваши заботы, и будешь права.

В этот момент явился Гришка. При виде Елены Павловны он просиял.

– Ой, здравствуйте! Как вы поживаете?

– Гриша, называй меня на «ты». И зови бабушкой.

– Ура! У меня есть бабушка! – завопил Гришка и бросился к Елене Павловне.

У нее слезы катились по щекам.

– Родненький мой, конечно, у тебя есть бабушка!

Я сама чуть не разревелась при виде этой душещипательной сцены. Тут позвонила Катя.

– Мам, за мной зашел Шурик, можно мы часок погуляем?

– Можно, но занеси хоть мокрый купальник, зачем с ним таскаться?

– Все равно мою сумку Шурик носит.

– А Шурика не жалко?

– Да ни капельки! – засмеялась она. – Он же дзюдо занимается.

– Кать, вы там не очень долго, а то у нас бабушка. Кстати, можешь привести Шурика к нам.

– Там видно будет.

Ох, и характер у моей дочки! Не мне чета.

Но через полчаса она заявила вместе с Шуриком, очень славным парнишкой четырнадцати лет, с которым Катюха дружила уже целый год. Мы сидели все на кухне, пили чай с каким-то удивительно вкусным кексом, который принесла Елена Павловна, и я видела, что она оттаяла. Было так хорошо, уютно... И вдруг зазвонил телефон. Я почему-то испугалась.

– Я слушаю!

– Лер, это ты? – спросил мужской голос, смутно знакомый, но кто это, я сразу вспомнить не могла.

– Простите, с кем я говорю?

– Ну ты засранка, старых друзей не узнаешь?

– Витька? Ты?

– Я, подруга, я!

– Господи, сколько лет, сколько зим, ты где, что, как?

– Все расскажу при встрече! Подруга, срочно нужна твоя помощь! Только ты сможешь спасти ситуацию! Я готов упасть перед тобой на колени, а если надо то и ниц!

– Да в чем дело?

Это был мой однокурсник по ВГИКу.

– Старуха, спасай!

– Вить, говори толком, что надо!

– И ты спасешь?

– Да от чего, дурья башка? – рассердилась я.

– Позарез нужен талантливый сценарист!

– Тебе? А ты сам?

– Та к я уже утратил квалификацию, я ж теперь в режиссуру подался, к тому же это женская бодяга, я не справлюсь! Понимаешь, у меня в сериале целая куча проблем внезапно образовалась, надо срочно многое в сценарии поменять, а лучше тебя этого никто не сделает. Всего на недельку сможешь в Киев приехать?

– Та к ты теперь в Киеве?

– Ну да, женился, понимаешь ли, на киевлянке, вот и зацепился тут. Мы сериалы погонными метрами клепаем. Лер, спасай! Я слежу за тем, что ты делаешь... Ты молодчина...

– Вить, как я могу? У меня двое детей! Куда я поеду? А по мылу нельзя?

– Ну хоть на два дня приезжай, умоляю, посмотришь на артистов моих, сообразишь, что к чему, я не могу по мылу все объяснить. Я вообще человек несовременный, меня эти гадские гаджеты дико раздражают! Леруня, а когда ты со вторым-то ребеночком успела? Неужто тебе не с кем детей оставить? А то бери их с собой! Пусть Киев посмотрят, красивый же город!

Меня кто-то дернул за рукав. Елена Павловна.

– Лера, если надо остаться с детьми, я останусь. Даже не сомневайся. Езжай куда зовут, проветришься маленько!

Мне вдруг безумно захотелось в Киев, к Витьке, с которым мы дружили, да и лестно, когда к тебе обращаются за спасением ситуации.

И я пообещала завтра же вылететь в Киев.

– Лерка, я всегда знал, что ты человек! Только я сам не смогу тебя встретить, но кого-нибудь обязательно пришлю с табличкой «Леруня»!

Табличку «Леруня» держал такой красивый мужик, что я ахнула. Высокий, широкоплечий, брюнет с черными глазами. Начало многообещающее, подумала я. Где-то я его видела... Он, кажется, актер. И тут же мне стало смешно. Витька не случайно отрядил такого красавца меня встречать. И наверняка еще велел ему меня «окучивать».

– Здравьте! Вы меня встречаете. Я Лера.

– О! Душевно рад!

Он отобрал у меня сумку.

– Позвольте представиться. Никита Александров.

– А я вас узнала. Вы же снимались у нас в «Фамильном браслете».

– Точно! – расплылся он. – Жаль только роль у меня там небольшая была.

– А у Гаранина вы тоже злодея играете?

– Боже мой, Лера! У нас ведь как? Сыграл злодея, так и дальше будешь... А может, вы что-то придумаете, какой-нибудь перевертыш, а? Мой персонаж вдруг окажется самым благородным, – засмеялся он.

– Я пока ничего сказать не могу, я же ничего о вашем сериале не знаю. А кстати, что у вас там за ситуация, может, введете в курс дела?

– О, у нас все валится. Главная героиня тяжело заболела, в ближайшие три месяца сниматься не сможет, два сценариста вообще отказались, у одного из главных персонажей жуткий запой и еще куча всяких неприятностей. Нас вообще хотели закрыть, но Виктор сказал, что у него есть такой сценарист, который сумеет спасти ситуацию. И вот вы тут! Вся надежда на вас.

– А вы уже выходите в эфир?

– В том-то и дело! Выходим и с приличными рейтингами, пока, правда, только в Украине, но вы же знаете, как это делается.

– Ничего себе задачка... Кстати, а почему сценаристы отказались?

– Не могли найти общего языка.

– С кем?

– Со всеми. И с Витей, и с продюсерами, и друг с другом тоже.

Мы подошли к машине, явно студийной. За рулем ждал толстый дядька с запорожскими усами.

– О, еще дамочку на убой привезли! – хмыкнул он. – Здоровеньки булы, дама!

– Здоровеньки булы, пан водитель! И почему меня на убой привезли? – полюбопытствовала я.

– Ну где такой нэвэличке разгрести таку кучу дерьма?

– Фомич, ты чего девушку пугаешь? Не обращайтесь на него внимания, Леруня!

– Ох, Леруня, вы лучше на этого гарного хлопца внимания не обращайтесь, а то он у нас тут гроза всех дивчин.

– Фомич, язычок-то прикуси! – засмеялся Никита.

– Да ладно, дамочка и сама разберется, чай не с гимназии... Тридцатник-то уже есть?

– Фомич!

– Ну что Фомич? Фомич всегда правду-матку говóрит.

– Женщинам такую правду...

– Ладно, поучи меня еще с бабами обращаться. Их сразу на место надо ставить! А то небось вообразит, что ее за малолетку примут... А у меня глаз-алмаз! Я вот помню одной такой зирке заявил: ты чего, мать, все молодисься, все ж всё равно знают, сколько тебе годочков. И морщинки в твоём возрасте обязательно должны быть, а коли их у тебя нету, значит, ты не живая баба, а кукла крашенная и смотреть на тебя неинтересно. Скажете, я не прав? И этой бедолажке уж точно тридцатник стукнуло, причем не вчера, а года два-три назад. И детишки у нее небось дома плачут, а она сюда к нам прискакала, ситуацию спасти. Это что ж такое делается, если, можно сказать, пигалицу вызывают, как МЧС? Я вас спрашиваю?

Никита только руками разводил, тщетно пытаясь заткнуть чересчур болтливому водителю.

– Скажете, а вы ведь не украинец? – перебила я поток красноречия.

– Это почему ж?

– Ну, слышу я, как вы говорите... Вы только вставляете какие-то словечки, да и то редко, и интонация у вас не украинская, вы небось в Украине лет пять живете, не больше?

– Ну и что с того?

– Да ничего. Просто правду-матку режу.

– Нет, Никитос, видал бабу! – расхохотался вдруг Фомич. – Такая может и спасет вашу шарagu...

Он заткнулся и до конца пути не произнес ни слова.

Никита показал мне большой палец.

Меня привезли в маленькую частную гостиницу недалеко от Крещатика. Номер был небольшой, но очень уютный, со всеми удобствами и даже с мини-баром. Никита ждал меня в машине. Я позвонила домой, там было все в порядке, и побежала вниз.

– Поехали!

Всю дорогу до студии Фомич молчал.

– Леруня, солнце мое, наконец-то! – заключил меня в объятия старый друг.

– Витька, ты чего так растолстел? На варениках и галушках?

– Да где там! Я их и не вижу. Это все от нервов. И времени вообще нет. Мечтаю уехать куда-нибудь на далекие острова... Лучше на необитаемые... Интересно, есть еще необитаемые острова?

– Есть!
– А ты почему знаешь?
– А у меня одна подруга в кругосветки ходит.
– Подруга? Познакомь!
– Зачем?
– Пусть наводку даст, на необитаемый остров. Ладно, как живешь-то? Мне тут Димкино интервью показывали, вот гад!
– Черт с ним, давай ближе к делу!
– Я освобожусь через часок. Никита, своди девушку перекусить, а я подвалю, как освобожусь, годится?
– Конечно. Пойдемте, Лерочка!
Никита нежно взял меня под руку. Но его чары на меня как-то не действовали. Хотя он мне нравился. Красивый и не противный. Уже что-то.

Мы сидели в студийном буфете, красавец Никита Александров старательно исполнял наказ режиссера и «окучивал» сценаристку. Но ничего личного за этим окучиванием не просматривалось. А артист он был так себе. Я про себя посмеивалась. Он меня совершенно не волновал. Интересно, а я еще способна взволноваться? У меня этого так давно не было... Неужели я никогда больше не сумею влюбиться?

– Никита, можешь быть свободен! – раздался голос Витьки. Он плюхнулся за столик. – Ну, Леруня, спасай!

Никита ушел.

– Скажи, какой красавец! И при этом хороший парень.
– Ты поручил ему меня окучивать?
– Леруня, ты же все понимаешь! И потом, я подумал... Он хороший парень, ты классная баба, а вдруг что и сладится?
– Я тебя умоляю! Давай, говори, что от меня нужно?

Он долго рассказывал мне обо всех несчастьях, которые буквально обрушились на этот проект.

– Лер, что делать?

– Для начала дай мне сценарий, я ж не могу с налету и с твоих слов. Прочитаю, или хотя бы просмотрю, и, может быть, что-то придумаю.

– У тебя комп с собой? Тебе как лучше, электронную версию или бумажную?

– Лучше бумажную. Да, кстати, это лицензионка или...

– Нет. Слава богу!

– Это правда, слава богу! За лицензионку я бы и не взялась.

– Ладно, я сейчас распоряжусь. – Он вытащил телефон. – Марьян, принеси в буфет бум. версию!

– Бум. версию? – рассмеялась я.

– Ага, это Марьяшка, моя ассистентка, говорит бум. и эл.

Буквально через пять минут примчалась смешная заполошная девица в бейсболке, плюхнула на стол две амбарные книги, явно очень тяжелые.

– Вот! Здравсьте! Это вы нас спасать будете?

– Постараюсь!

– Вы знаете, вы правда постарайтесь, а то жалко... Столько трудов и все хряку на прокорм!

И она унеслась.

– Вот что, Витечка, я сейчас забираю эти талмуды и еду в гостиницу. Мне нужно время, думаю, послезавтра я тебе все скажу!

– Лерка, солнце мое!

– Меня кто-нибудь отвезет?

– Сам отвезу. Поехали!

Он взял оба тома.

– Блин, тяжесть-то какая! Просто неподъемная.

В машине я спросила его:

– Вить, а чего ты за режиссуру-то взялся?

– Да понимаешь... Я ведь еще окончил Высшие режиссерские... А тут сразу предложили один сериальчик, небольшой, десять серий. Получилось удачно. Предложили еще... Ну и засосало. Да и нравится мне... А ты почему сериалами занялась? Помню, у Фридрихыча ты любимицей была, он тебе большое будущее прочил...

– Да не получилось. Написала несколько сценариев, ни один не пошел, а тут позвали в команду сериалы клепать. Деньги позарез были нужны, ну я и согласилась. Обещали недавно сделать ведущим сценаристом на следующее мыло... Теперь вот в качестве спасателя в Киев пригласили, так что считай, карьеру делаю.

– А Димка что, денег не дает?

– Давал крохи, но я отказалась... Вернее, Катюха после этого интервью.

– Да? Ну, молодец девка! Пстой, а второй-то ребеночек от кого?

– Да это не мой. Это сын Инки.

– А Инка что ж?

– Они с мужем погибли.

– Ох, прости, не знал... Вот ужас-то! Ох, беда! Вы ж такие хорошие сестры были... дружные...

– Да. Она мне как мать была... Ну и я не могла бросить ее сына.

– Ясное дело. Пстой, а Димка что, из-за этого слинял?

– Представь себе.

– Легко! Он мне всегда казался гадом. Никогда не мог понять, что ты в нем нашла. Он мне, кстати, недавно тоже свинью подложил.

– Тебе? Каким образом?

– Да я на главную роль наметил Маринку Худолееву, классная девка, а она возьми и откажись. Замуж, видите ли, выхожу за Лоцилина! А он не хочет, чтобы я в мыле снималась. Лев Толстой, мать его! Скажи, а ты можешь его читать?

– Я – нет!

– Я тоже. А вот и твой гранд-отель! Как тут, все нормально?

– Да хорошо.

– Все необходимое есть?

– Даже более того, – рассмеялась я. – В мини-баре презервативы есть, первый раз такое вижу. Забота о постояльцах на высоте.

– Хорошее дело, между прочим. А то мало ли какая ситуация, – расхохотался Вить. Он поднял на третий этаж тяжеленную «бум. версию». – Спасибо тебе, подруга.

– Пока не за что.

– За готовность помочь хотя бы. Ладно, поеду, а то уже не помню, как жена выглядит. А ты читай! И звони, если что непонятно будет. И вообще... – Он устало махнул рукой и побежал вниз.

Я взялась за сценарий. Что ж, сериал как сериал. Со всеми онёрами, как говорится. Тут тебе и амнезия, и тюрьма, и психушка, и чужие дети.

Кое-где проглядывала жизнь, но в основном обычная бодяга... Читать все насквозь не имело смысла и так все ясно, кто плохой, кто хороший... Но что же делать в сложившихся весьма неблагоприятных обстоятельствах? Господи, как же мне все это надоело! Я так хотела

в «Фамильном браслете» избежать хотя бы тюрьмы и амнезии, так нет, не вышло! Удалось только обойтись без психушки, но это пока... Ох, не умеем мы делать безразмерное кино. Где нам угнаться за Бразилией! Вот они мастера! Все остальное латиноамериканское мыло я и в грош не ставлю, а вот бразильское! Какие артисты там снимаются, какие красавцы и красавицы, сколько всегда юмора... Вот, помню, я смотрела один сериал с огромным увлечением, и вдруг на середине сюжета все поменялось с точностью до наоборот, как говорится. Положительная и несчастная героиня оказалась жуткой злодейкой, а та, которую все считали просто ищадьем ада, оказалась невинной жертвой истинной злодейки! Это было так здорово... Стоп, а что если и тут то же самое сделать? Я схватила блокнот и начала с карандашом в руках прикидывать, что можно сделать в этом направлении. Учитывая длительное отсутствие главной героини по болезни... Значит, вот этого героя мы убираем... О, это как раз то, о чем просил Никита! Так, женские линии мы оставим без изменений, а вот у мужчин все поменяем. Никитин злодей окажется благородным героем, а благородный герой Андрея Платова тем еще мерзавцем...

Я присидела до часу ночи. Есть хотелось ужасно. Но идти куда-то уже невозможно. В минибаре, кроме презервативов, были еще чипсы, орешки и шоколад. Очень даже неплохо! Я напихалась всей этой дрянью и, безмерно довольная, завалилась спать. Хотя, конечно, моя идея может в корне не понравиться продюсерам. Ну, что ж, как говорится, чем богаты... Уснула я мгновенно.

Утром я на свежую голову проверила вчерашние наброски и идея перевертыша понравилась мне еще больше. Сейчас пойду позавтракаю, потом прошвырнусь по ближайшим магазинчикам, или нет, лучше смотаюсь на Бессарабку, где когда-то в детстве мы с мамой и Инкой покупали всякую украинскую снедь. А потом позвоню Витьке.

В маленьком помещении на первом этаже было уютно и очень вкусно пахло свежими булочками. Могу себе позволить в кои-то веки выпить кофе с булочками. Но кроме булочек тут были еще и вареники с черникой... Конечно, черника наверняка мороженная, но на варениках это не должно сильно отразиться. Была еще и аппетитная колбаса и сыр... и какие-то каши... словом, от голода тут не помрешь. А есть хотелось страшно. Идею булочек я отбросила, в конце концов вкусные булочки можно, если припрет, съесть и в Москве, а вот вареники с черникой... Я навалила себе в миску этих вареников, полила сметаной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.